

“Силиконовый Шекспир” – таким титулом увековчили 34-летнего Шейна Блэка после того, как его сценарий “Прощальный поцелуй” (Long Kiss Goodnight) был продан за 4 миллиона долларов на студию New Line Cinema. Король боевиков, воспеватель суровой мужской дружбы и сочинитель невообразимых ситуаций с драками, перестрелками и взрывами, Блэк (выходец из Питтсбурга) четыре года учился в Калифорнийском университете (UCLA) на театральном отделении; снялся в фильмах “Хищник”, “Робокоп 3” и телевизионной драме “Мрачное правосудие” в небольших ролях; а также написал сценарии таких известных фильмов, как “Смертельное оружие”, “Прощальный поцелуй”, “Последний бойскаут” и других. Летом 1997 года Блэк планирует снять свою первую режиссерскую работу.

– Что впервые подвигло вас на сочинение сценария?

– Писать сценарии – это совершенно естественно для человека, у которого в мозгу все время крутятся какие-то странные истории. Я всю жизнь любил сочинять небылицы. У меня есть приятель, режиссер Фред Деккер, с которым мы дружили в колледже еще до того, как поняли, чем будем заниматься в жизни. Он первым попал в Голливуд и сумел заключить здесь пару сделок. Я читал его сценарии, они показались мне интересными, но я тут же подумал: наверняка у меня получится не хуже. Фред был достаточно любезен, чтобы показать мой первыйopus своему агенту, а тот организовал для меня несколько полезных встреч.

– Это был ваш сценарий “Компания теней”, не так ли?

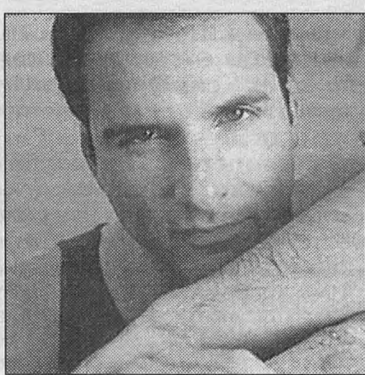
– “Компания теней” была первым сценарием, который я дописал. Вообще-то это была первая вещь, которую я сочинил. Меня очень удивило, что народ так хорошо не нее реагирует. Меня все время приглашали на какие-то встречи, деловые завтраки, переговоры. В то время я был в восторге от возможности очутиться в Голливуде. У меня было, наверное, дюжины три встреч, на которых мне говорили: “Этот сценарий мы снимать не будем, но нам нравится, как вы пишете, почему бы вам не написать для нас...” – и дальше что-то предлагали. Короче, я вошел в Голливуд, громко пнув ногой дверь. Мне повезло – никто не стал меня учить, как нужно писать сценарии, очевидно, все они считали, что я и так все знаю. Самое смешное, что я никогда не учился в киношколе и не знал, что для сочинения успешного сценария нужно следовать жестким правилам.

– Но вас вдохновлял в работе какой-нибудь сценарий или какой-нибудь фильм?

– Конечно. Я изучал, как пишет Уильям Голдман, особенно мне были интересны его сценарии “Марафонца” и “Буча Кэссиди и Санденса Киды”. Оба до сих пор кажутся мне образцами захватывающего сценария – они воспринимаются, как сконденсированные романы. Еще мне ужасно нравятся сценарии Уолтера Хилла “Чужой” и “48 часов”. Замечательные вещи, в них все клише выворачиваются наизнанку, зритель становится соучастником, которого надувают так, что ему это нравится. Когда я впервые познакомился с этими сценариями и фильмами, то еще не понимал, что они – исключение из правила. Большинство сценариев пишется совершенно иначе. Но тогда мне казалось, что никаких особенных правил не существует, просто нужно писать так, чтобы тебе нравилось.

– Говорят, успех “Смертельного оружия” стал для вас тяжелым испытанием?

– Огромным. В то время я чувствовал себя ужасно неуютно и не был уверен в своих силах. У меня все валилось из рук, я превратился в психа. Меня бросила девушка и я был в жутком состоянии. Мне велели писать продолжение – вторую серию “Смертельного оружия”, и это стало одной из самых тяжелых работ, которые мне когда-либо доставались. Я был в таком ужасе, что под конец перечитал сценарий и решил, что полностью его провалил. Я писал

его в соавторстве с моим другом Уорреном Мерфи. На студии сказали, что им не нравится конец – мы написали, что герой Гибсона погибает. Я решил, что все – мне крышка, кранты, абзац. Позвонил на студию и предложил вернуть им аванс. Мой агент звонит и говорит: “Ты что, оплоумел!? Не смей возвращать деньги! Другие сочиняют полное дерьмо и получают за него миллионы долларов! А ты написал очень приличную вещь”. Забавно – недавно я снова перечитал этот сценарий и понял, что “Смертельное оружие-2” – лучшее, что мною написано. Вне всякого сомнения, тот вариант, который был вначале, со смертью героя – мое лучшее сочинение.

– Но после этого вы на какое-то время ушли в тень и перестали писать.

– Да, потом я два года оплакивал свою жизнь и потерю моей первой настоящей любви. Я просто ничего не мог делать, курил сигареты и читал дешевые романы. Но время шло, и в какой-то момент я сел за компьютер и трансформировал свое отчаяние в переживания нового героя, который стал частным детективом.

– Но после этого вы на какое-то время ушли в тень и перестали писать.

– Да, потом я два года оплакивал свою жизнь и потерю моей первой настоящей любви. Я просто ничего не мог делать, курил сигареты и читал дешевые романы. Но время шло, и в какой-то момент я сел за компьютер и трансформировал свое отчаяние в переживания нового героя, который стал частным детективом.

– В ваших сценариях много насилия.

– Конечно. Мне нравится насилие. – Только поэтому? Не из-за того, что фильм жанра “экшн” становится эффективнее от садистских сцен?

– Я ненавижу слово “экшн”, это коренное непонимание сути и смысла этого жанра. Вспомните “На северо-восток” Хичкока – там много событий, но вряд ли этот фильм можно отнести к жанру “экшн”. Это настоящий триллер, а в триллере должна быть опасность, иначе зритель не станет волноваться. А без реального насилия чувства опасности не будет. Мир полон опасностей, я ненавижу то, что происходит за стенами моего дома, я боюсь этого хренового мира. Не могу смотреть новости – меня сразу же начинает трясти. Поэтому для меня спасением становится сочинение сюжетов и героев, которые могут встретиться с опасностью лицом к лицу. Они вынуждены испытать себя на прочность, и хотя им поначалу кажется, что их ждет верная гибель, к концу фильма они все-таки остаются живы в этом страшном мире, полном насилия. И зритель после просмотра чувствует себя немного спокойнее и безопаснее.

– Но порой насилие в ваших сценариях превращается в откровенный садизм.

– Мне не нравится, когда насилие в фильме становится условным. Помните сериал “Ангелы Чарли”? Там три красавицы работают частными детективами, и почти в каждой серии одну из них похищают, привязывают к креслу и банда подонков сидит вокруг нее и чистит оружие. А

зритель понимает, что это вранье, потому что в реальности они бы изнасиловали ее во все дырки, а потом убили! Но эти придурки чистят оружие и зритель ни о чем не волнуется – знает, что у актрис заключен контракт на съемки до конца сезона.

– Какую цель вы ставили перед собой, сочиняя “Прощальный поцелуй”?

– Мне хотелось сочинить необычный криминальный триллер. Я люблю шпионские истории, всегда их любил. Когда был совсем маленьким, умолял, чтобы мне читали исто-

живал и в то же время, чтобы она была забавной и интересной. Думаю, сегодня многие женщины говорят те же слова, что и мужчины. Не знаю, насколько студийные чиновники прислушиваются к тому, что говорят представительницы прекрасного пола, но каждый раз, когда кто-нибудь из них заявлял мне: “Женщины так говорить не станут!” – я отвечал: “А когда вы последний раз заходили в обычный бар? А где вы выросли? А вам приходится общаться с кем-нибудь, помимо вашей секретарши?”

Шейн Блэк: “Всю жизнь любил сочинять небылицы!”

Эрик БАУЭР

рии про Джеймса Бонда. Мама говорила мне, что я еще слишком маленький, что это книжки для взрослых. Всю жизнь я восхищался шпионскими и хорошими полицейскими историями, такими как “Сила пистолета” “Магнум” и “Грязный Гарри”. Мне очень хотелось сочинить историю с привкусом 70-х годов. И когда мне пришла в голову идея о домохозяйке, которая забыла свое прошлое, и не знает, что раньше она была наемной убийцей, у меня в голове что-то сработало и я сказал: “Вот оно”. Это был очень сильный образ: столкновение двух миров – обывательского и преступного.

– Говорят, что успех фильма “Никита” стал для вас признаком того, что аудитория дозрела до женщины-наемного убийцы и согласна видеть даму с базуккой в руках?

– Да, и к тому же мне всегда хотелось сочинить фильм в таком ключе. В детстве я был большим поклонником супершпионки Модести Блейз. Но меня очень отговаривали от этого проекта. Люди говорили мне: “Зачем ты делаешь ее женщиной? Ты не сможешь продать сценарий. В Голливуде найдется максимум четыре актрисы, которые способны потянуть такую роль. Лучше перепиши ее в мужика, пока не поздно.” А я все время тыкал им в нос успех “Никиты” и говорил: “Чем мы хуже французам?” Идиотский аргумент, но они иначе не понимали. И в конце концов я оказался прав.

– Долгие годы вас обвиняли в том, что ваши сочинения ориентированы на мужчин. Сочиняя женский характер, вы руководствовались какими-то иными принципами, нежели раньше?

– Нет. Люди склонны преувеличивать разницу между мужчиной и женщиной. Если главный герой – женщина, это не значит, что в каждой сцене обсуждаются менструации. Я обращаюсь с героиней, как с любым другим персонажем. Мне хотелось, чтобы зритель за нее пере-

– Сценарий “Прощального поцелуя” переписывался шесть раз. Почему?

– Все очень просто. New Line купила сценарий на фильм стоимостью 100 миллионов долларов, но смогла выделить на съемки только 65 миллионов. Поэтому пришлось спрямлять и упрощать действие так, чтобы уложиться в бюджет. Но это не страшно. Конечно, это кино – большой спектакль, но все-таки главное в нем люди, а не взрывы. Пусть насилие стало немного приглушенным, для женской истории это даже хорошо. В фильме осталось достаточно страшных моментов, поэтому зритель будет переживать.

– Важен ли секс для успешной продажи сценария?

– По правде говоря, я об этом никогда не задумывался. Но, наверное, важен, потому что людям нравится секс. И мне тоже. Я вписываю в сценарий эротические сцены по нити, там, где мне хочется взбодриться и набраться энергии. И всегда представляю себя в амлуга режиссера. “Что мы снимаем сегодня? Эротическую сцену? Каиф! А завтра? Крушение поезда? Какой ужас!” Но, конечно, секс нельзя вводить просто так, в качестве фона – любящая голая девушка должна иметь отношение к истории.

– Считаете ли вы, что растете как сочинитель?

– О да! Но пока я даже близко не стою рядом с теми, на кого хочу быть похож. Мне нравится энергия, которая была в моих ранних работах, но мне предстоит долгий и нелегкий путь. Мне бы хотелось когда-нибудь сочинить сложную психологическую историю с неоднозначными характерами. Но пока я стараюсь просто хорошо делать свою работу, хотя, скажу вам по секрету, если сценарий продается за несколько миллионов долларов, это еще не значит, что из него получится хороший фильм.

ЛОС-АНДЖЕЛЕС.